

Под страхом жизни

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Нематрос

Валера Нематрос
Под страхом жизни.
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34450337

SelfPub; 2021

Аннотация

Все, что вы хотели прочитать, но боялись начать. Сочные рассказы, в которых просто о сложном, смешно о грустном, тупо о гениальном. Сама жизнь через призму желчного пузыря автора. Фото на обложке из архива автора.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Залупа	4
Генерал	20
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Валера Нематрос

Под страхом жизни.

Сборник рассказов

Залупа

Его звали Залупа.

Родители тут ни при чем – мы не говорим про имя. Оно мало кому было интересно, тем более, когда есть емкое прозвище.

Начну, пожалуй, с тех времен, когда никакой Залупы не было. Он пришел к нам во втором классе транзитным пассажиром, маленький лысый человек восьми лет. Учительница, Валерия Валерьевна, бегло прошлась по его недлинной биографии и усадила где-то в середине класса. Ботаники грелись на первых партах, распездали – на Камчатке, так что ему была прямая дорога к неопределившимся.

Анька, влюбленная в меня еще с детского сада, на той неделе болела, и новенького посадили ко мне.

– Валентин! – представился он.

– Круто, чё, – ответил я. Мне он не показался в тот момент Остапом, к которому надо тянуться.

Таким случилось наше знакомство.

Следующий эпизод произошел той же зимой. В классе на стене висел замечательный стенд, скромную половину которого занимал дедушка Ленин, а вторую – его дело. Пестрая коммунистическая агитка в два квадратных метра.

Репутация вождя была безупречной до того непримечательного утра, когда чуть ниже бороды улыбающегося Ильича не появилось слово «ХУЙ». Это стало откровением прежде всего для Валерии Валерьевны. Добрейшей души женщина, к тому времени раздобревшая и телом, представить себе не могла, что второклашки, с трудом справляющиеся с «ма-ма мы-ла ра-му», так уверенно и каллиграфически могут разбрасываться «хуями». Но факт оставался фактом – был Ленин, и был хуй. Не какой-то случайный, походя намалеванный, а преднамеренный, циничный и бросающий вызов партии. Стенд был высоко, и чтоб подписать вождя, злоумышленнику пришлось встать на стул.

В авторстве никто не признался, и после обеда всех заставили прийти, писать всякие слова типа «хомяк», «улица» или «трамвай». Графологическая экспертиза во имя торжества добра.

Были все, кроме новенького. Он рассказывал потом, что совсем забыл об этом, и потому не пришел, но для преподавательского состава это было прямым доказательством вины. Вызвали его мать в школу – с отцом этот трюк не прошел бы ввиду его отсутствия, как такового.

– Такой маленький, а уже себе позволяет такие выходки, –

вздыхала Валерия Валерьевна, скрестив руки на лобке, – и я не удивлюсь, если он еще и курит.

Непонятно, как это вязалось между собой. Мать виновника торжества кивала с пониманием и обещала усилить педагогический процесс.

Слухи в школе разносятся быстро, и к тому моменту все знали, что злосчастный «хуй» принадлежал перу (фиолетовому фломастеру, если быть точным) Лехи Дырявого, отъявленного хулигана, прозванного так за отсутствие переднего зуба. В восемьдесят девятом году в начальной школе незачетно было иметь кличку «дырявый».

Не сомневаюсь, что об этом знал и новенький, но не выдал. Просто стоял под осуждающим взглядом Валерии Валерьевны, после подзатыльника матери на виду у всех, гордый восьмилетний пацан с бритой головой. Он не испугался Дырявого – он вообще никого не боялся, просто это бы пошло вразрез с его жизненными правилами. Я так думаю.

Прошло несколько лет, и даже страны, в которой мы жили, уже не стало, а в статусе Лысого (тогда его так называли) ничего не изменилось. Никто не брал его в компанию, а тот в ответ не показывал виду, что его это задевает.

Наш военный городок был маленьким – шесть или семь пятиэтажек, плюс школы, начальная и средняя, детский сад,

да пара магазинов. Был еще клуб, где проходили торжественные мероприятия и иногда крутили фильмы. Там же проводились дискотеки, и там же Лысый обрел новое прозвище.

Дискотеки устраивались не нами и не для нас, малолеток одиннадцати-двенадцати лет, но нам уже разрешалось присутствовать первые несколько часов.

Светка была хороша уже тогда, и было понятно, что ее ждет большое будущее. Танцевать с ней хотели все, удавалось это немногим. Даже просто подойти решались единицы. Лысый решился.

– Отвянь! – скривила губы она, и, помолчав несколько секунд, добавила, – залупа!

На его беду рядом оказался Славка Комар, и уже наутро никто не обращался к лысому иначе, чем Залупа. Драться было бесполезно, Залупа прижилась мгновенно.

Залупа был примерным семьянином, в отличие от остальных членов ячейки общества. Отца не было – по официальным данным он погиб в Афгане, по неофициальным – мать утопила его в колодце. Ее не посадили – многодетная, а через связи сделала справку, что он погиб, защищая интересы государства, так что теперь семья получала пособие. У Залупы было шесть сестер – две старше и три младше. Никто точно не знал, но на семерых детей приходилось не менее четырех отцов. То ли мать их была доверчивой женщиной, и каждому мужику отдавалась, как принцу, то ли просто хотела в своем положении чувствовать себя женщиной, но заканчи-

валось все роддомом и исчезновением кавалера с горизонта.

Мать наверняка считала парикмахеров героями скандинавских сказок, потому стригла сына сама и только опасной бритвой. Он ходил абсолютно лысый и в порезах, которые потом становились маленькими шрамами.

Залупа часто прибивался к разным компаниям, то на футболе, то зимой в снежки, но был для нас, как Прибалтика Европе.

Он был нерукопожатным элементом школьной структуры, Залупа-одиночка, недоразумение в привычном укладе вещей.

Маленький военный городок был окольцован сараями и гаражами, а по внешнему периметру шли огороды.

Я приехал оставить в сарае велосипед, в прекрасном расположении духа, только с озера, пожалуй, лучшего места летом.

Он разгребал завал. Ночью резвился шквалистый ветер, и береза с соседнего участка завалилась на их теплицу. Пиздец пришел и ей, и помидорам внутри. Соседний участок принадлежал главному инженеру. Положить ли хуй или просто ничего не делать – это все к нему. Но попробуй предьявить – сожрет.

Березу надо было распилить, обрубить ветки, растащить

все, и потом восстанавливать теплицу. Работы чуть больше, чем очень много, для тринадцатилетнего парня. Но это же Залупа – кто ему помогать будет?

Не знаю, что на меня нашло, но я вернулся в сарай за ручной пилой – Залупа со своей ножовкой выглядел неубедительно один на один с березой.

Мы хуячили до самого вечера, а потом я перелез через забор и насрал в парнике главного инженера, оборвал все огурцы и сделал им шоколадную панировку. Зло должно быть наказано.

– Я очень хочу вырасти, – сказал он тогда.

– Потом, взрослым, будешь вспоминать детство, и жалеть, что оно промчалось, – ответил я. Пиздел – врагу не пожелаешь такого детства, как у Залупы. Он был единственным мужчиной (пусть и с огромным авансом) в большой семье (тоже не идеальной). Но выбирать не приходилось, ни тем, ни другим.

Мы сидели на теплом рубероиде труб теплотрассы, и я очень хотел, чтоб нас никто не видел вместе. Сейчас мне стыдно за это.

– Залупа, пойдем! – в класс заглянула физиономия Дырявого и исчезла.

Тот попытался подняться из-за парты, но я взял его за пле-

чо.

– Сиди.

– Может, там помочь надо? – повернулся он ко мне.

– Сиди, – повторил я.

Залупа оказался нормальным парнем, хоть и не стал для нас своим. Прошло полгода после спецоперации «говняная буря в теплице».

– Не понял!?! – Через минуту опять заглянул Дырявый. Теперь уже целиком. – Пошли, говорю.

– Он никуда не пойдет, – сказал я и охуел от своей смелости. Может, дело в том, что в классе были Генка и Боря, мои друзья, а Дырявый выступил соло. Это не мешало ему с корешами сразу после уроков отпиздить меня хоть одного, хоть в компании с Борей и Генкой, но слово уже было произнесено. Зачастую история вершится спонтанно.

– Залупа? – Дырявый проигнорировал меня, но маховик был запущен.

Ему была важна поддержка, и он ее получил. Возможно, впервые в жизни.

– Я никуда не пойду.

Мы подрались после уроков. Скорее, нас отпиздили, хотя их было всего на одного больше. Очень здорово, даже когда тебя бьют, чувствовать рядом плечо, а не пятки за спиной. Плечо Залупы было крепким, а кулаки – тяжелыми. Дырявому потом выправляли носовую перегородку, хотя надо было бы вправить мозги.

Они не перестали доставать Залупу, но это был первый случай, когда получили реальный отпор.

В гости к Залупе никто не ходил – занятие бесперспективное и эстетически сомнительное. Сестер полон дом, да и мать к детям относилась с изрядной долей похуизма и небольшой – презрения, хоть к своим, хоть к чужим. Но дело главным образом было в другом. В их подъезде жил Башкир, больной на всю голову человек. Голова его, кстати, была выдающейся, правда, по габаритам, а не начинке. Средних размеров телевизор, посаженный на плечи, такой и сейчас на полках магазинов не затерялся бы диагональю. Его и Башкиром-то из-за башки назвали, а не по национальности. Он вообще татарин был.

Трезвый – отшельник в засаленной майке. Пьяный – Джон Рэмбо во Вьетнаме. Вьетнамцами в такие минуты он считал всех. Даже вьетнамец-участковый старался находить себе дела в другом месте.

Пикантность ситуации крылась в самогоне, который поставила на поток мать Залупы. На этом они и сошлись с Башкиром. Спрос родил предложение.

Башкир был мужчиной видным, хоть и уродливым, мать Залупы тоже эффектная мадам, полностью подтверждавшая тезис о страшной силе красоты. В том смысле, что была

страшной и сильной. Страсть появилась не сразу, но окрепла быстро. Мать отправляла детей постарше гулять, маленьких – в другую комнату, и потный Башкир наваливался на нее попрыгать.

Залупу это страшно злило. Башкиру было похуй.

В один из таких моментов мы и застали его у подъезда. Он, понутив голову, сидел на лавке и вырезал на ней что-то ножом. Нож был прекрасный, швейцарский, его Залупе привез дядька. Реально из Швейцарии – он отсидел в свое время за спекуляцию, а теперь имел бизнес и постоянно мотался по Европе. Раз в год заезжал в гости, всегда с подарками, два года назад привез Залупе нож. «Смотри, чтоб мамка не видела», сказал он тогда. Дядька был словно человеком из другого мира, всегда привозил такие штуки, о существовании которых мы не подозревали, даже если это – обычные шоколадки. Тогда был последний его визит – говорят, убили в Москве.

– Пойдем на водонапорную башню, – предложил я, – голубей постреляем?

Он только покачал головой.

В это время из подъезда вышел Башкир, вытирая руки о сальную майку. Сел на лавку и отвесил Залупе подзатыльник, такой, от которого тот кубарем покинул место для сидения и растянулся в траве.

Башкир ухмыльнулся, и закурил. Он явно только совершил коитус, из-за которого мать выставила сына погулять за

дверью. Залупа поднялся на ноги и затравленно посмотрел на обидчика. В его глазах не было обреченности, только голая, пульсирующая ненависть.

– Когда-нибудь я тебя убью.

– Пошел нахуй отсюда, щегол! – отмахнулся тот, но я поверил. При всей своей скромности Залупа умел быть убедительным.

Больше дождей, чем в том июле, я не припомню. Но нам это было на руку. Середина девяностых – такое время, когда каждый вертелся в меру сил, и зачастую лопасти винтов воротил легко топили лохов на веслах. Командир части, еврей со стажем длиной в жизнь, нормальным образом прокручивал весь фонд заработной платы через банк, но минимальный срок вклада составлял полгода, и это означало только одно – шесть месяцев всем сосать хуй. Спасались пайком и смекалкой. Мы, четырнадцатилетние, целыми днями пропадали в лесу, потом появлялись где-то в районе трассы Екатеринбург – Пермь с полными корзинами грибов. Торговля шла бойко, тогда мы постигали азы коммерции. Обладателям отечественных машин порой нарочно называли неподъемные цены, чтоб отвадить, и ждали, когда же тормознет мерс, и щедрый новый русский отвалит нам деревянных.

Так было и в тот день. Последнее воскресенье июля. Все

близкие грибные места истоптали, и пришлось шагать дальше. Нас было пятеро – четверо парней и Аня. Она в те времена была настоящей пацанкой, и часто шаталась с нами.

К трассе вышли около восьми вечера. От солнца остался подкрашенный край неба, но грибы надо было продать сегодня. У меня корзина больших белых и пятилитровое ведро маленьких, крепких, высшего сорта. Элита блядь. Я вообще, за месяц принес родителям денег почти столько же, сколько они бы заработали за полгода, если б им не забывали платить.

– Завидую я тебе, – сказал он улыбаясь. Мы ссали за автобусной остановкой, пока наши коллеги по бизнесу на трассе рекламировали грибной товар.

Я не понял сначала. Чему завидовать-то, когда ссым? Член у меня больше? Или напор сильнее? Струя более правильной формы? Скорее всего, последнее.

– Если бы меня любила Анька, знаешь, каким бы я был счастливым? – он все так же ссал и улыбался.

Это правда, я говорил уже, что Анька влюбилась в меня еще в детском саду, и вопреки логике, до сих пор сохранила чувства. Я просто принимал это, как данность. Хотя, признаться, она становилась весьма симпатичной девушкой.

– Я не против, если что, – пожал плечами и тоже улыбнулся.

– Да что ты понимаешь, – по-доброму отмахнулся он, но взгляд его был серьезным и каким-то... взрослым, что ли.

Минут через десять тормознула тонированная бэха. Она громко пердела, будто мотоцикл. Серьезная, новая. Нам фартило. Прикинул, что можно просить не меньше сотки, хоть за ведро, хоть за корзину.

Правила джентльменства никто не отменял, потому сначала товар предлагала Анька. Мы встали кучкой следом. Из машины какое-то время никто не выходил – всякое бывает, может, у человека деньги в трусах или ремень никак не отстегивается.

Наконец распахнулись все четыре двери и оттуда вышли мужики – по одному из каждой. Самому старшему из них не было и тридцати, но они всяко были вдвое старше нас. Только тогда мне стало немного не по себе. Заметил, что машина была без номеров, и эта наблюдательность не добавляла оптимизма.

– Так, мелюзга, чё там у вас? Грибы? – водитель сплюнул на землю, небрежно, и достаточно зловеще. Они все были в кожаных куртках, и это в июле.

– Уралмашевские... – шепнул Генка. Это было тихое, неброское слово, бьющее почти в самое основание пирамиды Маслоу. Бравые, и не очень, ребята, по заветам Дубчека строящие бандитизм со славянским лицом, это были те люди, с которыми очень грустно иметь конфликт интересов.

Принадлежали эти четверо к группировке, или вся мишура была частью имиджа – неважно. Мы реально обосрались.

– Эй, щегол! – обратился второй к Аньке. – Почем ведро

отдашь? Задаром?

– Полтинник! – небрежно ответила та, – и это только за грибы. Ведро не продается.

– Ты – баба что ли? – хохотнул водитель. – Да еще и резкая. Люблю таких.

Анька сделала шаг назад.

Уралмашевские переглянулись.

– Значит так, хуесосы, – озвучил свой план третий, со шрамом ото рта до уха на левой половине лица, – вы сдристнули отсюда, а с девочкой мы прокатимся.

Коротко, ясно и очень страшно.

Водитель пнул ведро Генки, и грибы полетели в овраг. Невелика потеря, когда ставки серьезно возросли. Шрам глянул на четвертого, тот чуть кивнул, будто давая разрешение. Вся компания с блядскими ухмылочками, которые тем сильнее хочется стереть с лица, чем меньше имеешь на это возможности. Заходили полукругом, шрамоватый раскинул руки.

Анька с мольбой в глазах обернулась ко мне – к кому же еще, я ж, блядь, ее Дон Кихот. Представляю, как ей было страшно тогда, если сам я почти щелкнул тумблером «обосраться».

В фильмах в такие моменты начинается экшн – у нас начинался пиздец.

Из-за моей спины вышел Залупа.

– Я их отвлеку, – шепнул он, – а ты хватай Аньку, и бегите

со всех ног. Лучше врассыпную – за всеми не погонятся.

Я не знал, как он будет отвлекать отморожков – не Байрона же читать? Чуть кивнул Генке и Боре, вроде поняли.

Валентин сделал два быстрых шага вперед, отодвинул Аньку за спину и толкнул ко мне.

– Вы чё, хуесосы? – четвертый, который до этого молчал. – Попутали?

Рано, слишком рано. Я взял Аньку за руку и подтянул назад. Этот был главным, и в шоу «Интуиция» на вопросе «Человек, который убивал?» я бы точно показал на него.

Главный сделал шаг к Залупе, вытянул руку, чтоб схватить дерзкого юнца за лицо.

– Бегите!! – громко крикнул тот. Мы с Анькой бросились в отделявший нас от леса овраг. Боря с Генкой через трассу в другую сторону, разводя траектории. Краем глаза я видел, как Валентин ударил главаря куда-то в район печени – до лица было не достать. Хорош отвлекающий маневр, ничего не скажешь. Теперь бы успеть ему удрать. У меня был ценный груз – Анька, так что помочь я не мог. Только взобравшись по ту сторону оврага, позволил себе оглянуться. Охуел.

Валентин не собирался убежать. Он острее нас чувствовал правду жизни – всем вместе никогда не бывает охуенно, и за каждое благо всегда кто-то платит.

– Пидарас! – орал главарь. – Он меня порезал.

Теперь я увидел, что Валя бил не кулаком – тем самым швейцарским ножом, самой дорогой своей вещью. Вогнал

по самую рукоять, увесистую, с белым крестом в красном квадрате. Вытащил и попытался снова ударить. В этом и был его план.

Первый же удар по голове сбил его с ног. Нож выпал, благополучно подхваченный кем-то из ублюдков.

– Ань, беги! – Я твердо собирался остаться. – К заправке, оттуда позвони участковому, да хоть кому-нибудь.

Пока перебирался через овраг, двое погрузили главного в машину, а третий, Шрам, бил лежащего Валентина. Злощастный нож мелькал в его руке. Валя уже не двигался, а этот гондон продолжал втыкать в него лезвие.

– Лыба, уймись! – остановил его водитель. – Он жмур уже, придурок! Поехали.

Лыба, здоровый черт, как тряпку швырнул Валу в багажник. Нет тела – нет дела. Поднял взгляд на меня, на четвереньках выбирающегося из оврага, и я возблагодарил небеса, что у него в тот момент не было либо времени, либо пистолета.

Вряд ли это были уралмашевские, но Вале от этого не легче. Когда говоришь, что всех закроешь спиной, все же ждешь рядом такого же безумного, сумасбродного плеча. Счастье, если дождешься.

Он очень хотел стать таким, как все мы, честно снося ухмылки и равнодушие, не понимая цены своей уникальности и не держась за нее. Больше всего на свете он хотел вырасти, и стал взрослым в четырнадцать. Он жил и ушел Человеком.

И теперь, в последнее воскресенье июля, когда любой уважающий себя моряк уже к обеду ни за что не останется сухим, я всегда вспоминаю своего друга, который оставил этот мир, подарив ему нас.

Я помню.

Его звали Валентин.

Генерал

Вы когда-нибудь мерили осадки хуями?

Способов существует много, начиная от измерения величины снежного покрова путем втыкания хуя в этот самый покров. «Держи хуй по ветру, – говорил мне дед, – и тогда в любой момент сможешь вычислить влажность воздуха, а с ней и вероятность дождя». Дед был мировым мужиком, правда, к этой истории оказался непричастен.

Дело было в 1999-м, и это было самое легкое измерение на моей памяти. Если взять весь снег, выпавший в ту зиму в Краснодарском крае, и швырнуть на одну чашу весов, а на другую положить небольшой такой хуй с яйцами, то хуишко точно перевесит.

– Фамилия? – спросила она, не поднимая глаз.

– Так у вас же там все написано, – показал я на медицинскую книжку.

Повернулась ко мне, внимательно осматривая поверх очков. Умных тут не любят, похоже.

Мне шестнадцать, и я поступил в военное училище. Но это было давно, месяца два назад, а сейчас я в госпитале. Кожно-венерологическое отделение, и я тут не с венерологией. От резкой перемены климата и очень высокой влажности любая рана начинала загнивать, и даже простые царапины превращались в мучение.

– Пиздуй-ка, подлечись, – по-отечески похлопал меня по плечу взводный, – это, кстати, не сифилис у тебя?

То ли он никогда не болел сифилисом, то ли я, но представления о нем у нас были разные.

Еще через два часа я сдал в приемной свою прекрасную синюю робишку и почти удобные прогары, и облачился в серо-коричневую хуйню и тапочки, получив заряд уныния в качестве аксессуара.

А теперь вот неприветливая медсестра всучила мне постельное белье и отправила зачехлять матрац в палату номер шесть.

– Эй, сюда иди! – произнес кто-то. Обернулся на голос, внимательно изучил его хозяина. Крупнее среднего телосложения, скуднее среднего ума, как мне тогда показалось. Этот с вежливостью в еще более дальнем родстве, чем медсестра. Лицо красное и щербатое, как глобус Марса в миниатюре.

Подумалось, если не отвечать, и вообще не обозначать, что я его заметил, он отвлечется на что-нибудь другое и забудет про меня. Не вышло.

– Слышь, дурак! – перефразировал он обращение. – Сюда подошел!

Назревала полемика, а я не был к ней готов. Надо сказать, что выглядел я тогда на девяносто восемь (шестнадцать лет плюс семьдесят два килограмма), а мой оппонент к интеллектуальному противоборству (единственному, к слову, где у меня могли оказаться неплохие шансы) предрасположен не

был. Внешне он напоминал тренера Быкова, только без Захаркина. Возможно, просто съел напарника, это объясняло его размеры.

Я медленно повернулся и с чувством собственного достоинства занял пассивную позицию. По-прежнему сидел на шконке и заправлял одеяло в пододеяльник.

Он встал и сделал первый шаг. Вообще, я считаю первый шаг одним из самых прекрасных и волнующих событий в жизни, но только не тогда, когда его делает рябой дембель с целью тебя отпиздить.

Чувства были двоякими – с одной стороны очень не хотелось начинать первый день с недопонимания, а с другой – появилась какая-то злоба. Если ударит, буду отбиваться сколько хватит сил.

– Отъебись от малого!

Дверь открылась и вошел Олег. Тогда я не знал еще его имени, и мне просто показалось естественным, что на любое исчадье Мордора найдется свой Олег.

– А тебе какое дело? – резко изменил тон выебистый. Вечером я выяснил, что он был старшиной отделения – должность сомнительная, но существующая. Его имя стерлось из памяти быстрее, чем ладони у малолетних дрочеров.

– Тебя забыл спросить, – бросил Олег небрежно, и затем подошел уже ко мне. – Если будет наезжать, позови.

Олег вышел, и стало опять немного грустно. Я не был посвящен во внутреннюю кухню кожевнерологии, и не был

уверен, что «Быков» не встанет и не попытается меня отмудохать. Представил, что если бы меня, старшину отделения опустили на глазах вновь прибывшего пиздюка, мне бы не понравилось. Так и есть, щербатый поднялся с кровати.

– Ты по-хорошему не понимаешь, как я смотрю. – маленькими глазками он попытался выразить все свое презрение, но получалась какая-то свиноматка.

Дверь вновь распахнулась, и снова кстати. Вошел Олег и еще один больной в коричневом халате. Надо сказать, харизмой от него не веяло.

– Короче, Шитиков, – обратился к нему Олег, – теперь это твой новый дом. Пошли, малой, – это уже мне, – забирай шмотки и в третью, к нам.

Шитиков опустил плечи и побрел к своей новой неудобной кровати. Мир не был справедлив, но то был редкий случай, когда я чертовски радовался этому.

Дважды повторять мне не пришлось.

Сисек у нее тогда не было, это чистая правда. Да и сейчас, спустя шестнадцать лет, вряд ли появились. Если только холмы силиконовой долины, но я давно ее не видел и не берусь судить. Но вот ноги были очень длинными, стройными, чудесными и заканчивались прелестной жопой. Такой, за которой можно идти часами, не чувствуя усталости и не

натирая мозолей (по крайней мере, на ногах). Ходила она взросло не по годам, виляя бедрами и сводя с ума всех. В ее то пятнадцать.

А я, дурак, при такой жопе, влюбился в ее глаза. За то, как она смотрела из-под длинных ресниц, можно было простить ей все. Только вот прощать было нечего, кроме того, что смотрела она не на меня. Мы существовали будто в разных мирах, сидели, свесив ноги, на двух параллельных прямых, которым никогда не суждено скреститься в точке.

Так было до прошлого лета, вернее, до первой его трети (назовем ее – июнь, например). Я оформил официальный развод со школой, а она просто перепрыгнула из девятого в десятый. Через месяц мне предстояло пополнить ряды абитуры, и, если повезет, начать осваивать премудрости военно-морского и прочего блядь искусства.

Совсем недавно на моих глазах, пусть и в телевизоре, МЮ и Бавария сочинили прекрасный финальный триллер, который я хорошо помню и сейчас спустя много лет. Тедди Шерингем и Уле-Гуннар Сульшер (мы вслед за комментатором называли его Сольськьяер) за три добавленные минуты нассали в баварский компот, оставив Лотара Маттеуса без заветной чашки под конец карьеры.

Вечерами мы, забыв про вступительные экзамены, собирались в беседках, теремках на детских площадках, порой просто на лавках, и пили теплую водку, рассовывая украинский сыр между балтийскими шпротами и уральским хле-

бом. И нам было хорошо. Теплый июньский ветерок обдавал нас тонким ароматом взрослой жизни.

– Где вы теперь, и с кееееем? – изо всех сил старался я. С нами были Шевчук, Чиграков, Кинчев, Шахрин и много кто еще. Видавшая виды шестиструнная «трембита» для пьяных нас была сродни симфоническому оркестру. Сейчас с нами был Виктор Робертович, и он транслировал свои мысли моим пьяным, и оттого громким (мне тогда казалось – звонким, но это не одно и то же) голосом. Спасибо отзывчивым сокурсникам, которые год или два спустя, в ленкомнате открыли мне глаза на мой музыкальный талант.

– Кто хочет быть судьеооой? – перебивал вечерних сверчков нестройный хор. Не прошло и двадцати минут с тех пор, как мы на спор залпом пили пиво. Только я, Костян, и две сиськи Очаковского по 2,25. Хмельная дуэль, где нет победителей и проигравших, а секунданты легко принимали участие в противостоянии (да-да, Костяну помогали в то время, когда я и Очаковское слились воедино, как Брахма и Шива, где-то проебавшие Вишну). Я выиграл тогда, не зная, правда, какие бывают последствия от мгновенного поглощения пива.

– Кто помнит все именааааа?.. – дрожжи наполняли мое сознание, и я точно не был тем, кто помнит. Причем, даже следующий аккорд.

Кто-то сел рядом. Я был пьян и увлечен, потому ощутил лишь, что это человек с упругими и в меру мягкими бедрами.

ми. Хотел уебать грифом наглеца, мол, личное пространство музыканта и все такое, но решил повременить.

Песня была допета, и, не кривя душой, скажу, что в тот раз было одно из лучших исполнений. Я выложился, как чуть позже выложится Билан на Евровидении, и даже вспотел немного.

– Ты классно играешь, – сказала она. Да, блядь, это было неожиданно, но голос принадлежал Марине, которая в свою очередь сидела рядом со мной и терлась своей ляжкой о мою. Я бы покраснел, если б не был так пьян – слишком много пива разом в слишком маленьком человеке. Она не сказала «ты классно поешь», видимо, не могла кривить душой, но мне было наплевать.

– Спасибо. – я повернулся к ней. Спасибо можно было сказать и проектировщикам детских площадок за маленькие тесные лавки, предназначенные для дошкольных поп – наши лица были на расстоянии макросъемки, и родись мы где-нибудь в Тбилиси, наверняка терлись бы носами.

Дальше я помню смутно, мы что-то пели, передавая гитару по кругу. Я вещал заунывным голосом про 10 капель, потом тянул гласные, как сопли про то, что выхода нет, а Марина положила мне голову на плечо, и я играл очень аккуратно, перебором, и даже хуй боялся встать, чтоб не потревожить ее.

– Мне пора, – сказала она через полчаса или около того.

– Провожу? – спросил я, и тут же поправился, – провожу!

В тот момент я сначала жалел, что городок маленький – всего шесть пятиэтажек – и в любую точку можно дойти за несколько минут, но потом захотел ссать, и даже обрадовался его компактности. Ссать при Марине не хотелось, а в принципе – очень, еле терпел.

– Я тебе нравлюсь? – по дороге спросила она.

– Угу, – промычал я. Теперь мне становилось совсем хмельно, хотелось вывалить аккуратной кучкой и шпроты, и сыр, и хлеб. Марине бы не понравилась такая композиция на асфальте.

– Это хорошо, – как-то наивно и по-детски ответила она, – ты славный, но на меня не обращаешь внимания.

Я хотел было ответить, что просто ссу, а так бы вдул хоть сейчас, однако, решил напустить загадочности и промолчать. Мы пришли к ее подъезду, и я пожалел, что пьян в говно и хочу ссать. Было бы здорово посидеть на лавочке, закрепить знакомство, но даже при текущем раскладе эйфория накрывала меня. Мы сделаем все это завтра. Днем можно просто погулять, а вечером погулять как следует. Про секс я не думал, не хотелось так сразу приземлить зарождающееся волшебство.

Она закусила губу. Для пьяного меня это было сигналом и я поцеловал ее. Она ответила. Тогда я понял, как же сильно могут различаться поцелуи – делать это с человеком, которого любишь, восхитительно. Такой поцелуй у меня был впервые.

А потом она ушла, помахав мне рукой. Я поспал тут же, у дерева, и побрел домой.

Следующим утром она уехала к бабушке на все лето.

Всю ночь капли барабанили в жестяной козырек подоконника, и утро выдалось непримечательным и каким-то хуевым. Пасмурно и сыро снаружи, сухо и ветрено внутри.

Дело было после завтрака – мы разобрали свои таблетки, ютившиеся, словно заключенные в лотке, разделенные фанерными скрещенными переборками. Мне достались две красных и белая.

Делать было нечего – начальник отделения был на совещании, а без его первичного осмотра мне никаких процедур не назначали. Я и таблетки не хотел пить, особенно красные. Вдруг он придет и посмотрев на меня, скажет:

– Ну, тут все понятно – главное, красных таблеток не давать ему.

И медсестры зашущукаются, тыкая друг в друга пальцами, а потом с тихой грустью перекрестят меня.

Пока все разошлись прогреться, массажироваться и ультразвучиться, я направился в библиотеку. Больше двух книг на одно лицо было не положено, я взял Пикуля «Моонзунд» и «Крейсера». Пришлось даже пособачиться – в кожен книги не давали. Когда вернулся, медсестры передава-

ли дежурство. Заметил, что вновь заступившая (она стояла спиной) имела хорошую фигуру и ухоженные волосы. Это радовало, особенно на контрасте со вчерашней грымзой.

Полчаса меня никто не трогал – я валялся на кровати, погруженный в чтение. Дверь открылась, и я, не оборачиваясь ждал, когда старшина (кроме него вряд ли кто-то мог быть) скажет «эй бя!» или «ты бя!» или «ну че бя?»

Вместо этого кто-то назвал мою фамилию, вопросительно и женским голосом. Обернулся. Охуел.

Это была Марина. Говорить ничего не хотелось, да и не могло. Я просто смотрел на нее, не веря. Будь она моим ротным, у нее не оставалось бы выбора кроме как сказать «И хуле ты лыбишься, дебил?»

Но она, видимо, никогда в жизни не командовала ротой, потому даже смутилась немного. Мне понадобилось секунд десять, чтоб понять, что никакая это не Марина. Но как похожа!

– Да, да, это я, – пришел в себя.

– Пойдем, – сказала она, и у меня не нашлось возражений. Она отвела меня к начальнику отделения. Тот осмотрел, периодически цокал языком и крутил ус. Я в охуительнейшем настроении даже пытался пару раз пошутить, но мой юмор пришелся ему не по душе. Да и любой юмор, как я потом выяснил. Да и никто ему не был по душе, злобному Аскольдовичу, насмотревшемуся хуев за свою жизнь.

До столовой приходилось ходить метров двести по терри-

тории. Правда, давали там такое говно, что эта двухсотметровка казалась самой бесполезной в жизни.

После обеда попытался следить за злоключениями Панафидина на палубе «Рюрика» под проливным японским огнем, но получалось так себе. Все время тянуло на пост медсестры, ведь там ждала моя Марина. Потом осекал себя, что никакая она не Марина, но глаза-то видели, и передавали знакомую картинку в мозг. Ее звали Настя, и ждала она меня не больше, чем месячных. Но когда вам шестнадцать и вы влюблены...

– Пойдем! – заглянула в палату Настя. Вечер, начало десятого, а потому предложение интриговало.

– Конечно, пойдем! – обрадовался Олег.

– Ты куда хочешь иди, – отмахнулась Настя, – мне ваш юнга нужен.

Это было хорошо, правильно, что я ей нужен. Нахуя только?

Выяснилось быстро, как спустились на половину пролета вниз по лестнице. Помещение не подразумевало двоякого толкования – кафель на полу и стенах, кушетка, ванна, унитаз. Такое укромное место, где люди готовятся к операциям, бреют себе все, что подлежит обриванию.

– Сам справишься? – спросила она.

Хуй его знает, с чем надо было справляться. Хорошо бы с ней, тогда да, помощники нахуй.

– Попробую, – неопределенно пожал плечами я. – Раздеться?

Хотелось расставить точки хоть над чем-нибудь.

– Давай, я выйду сначала, – предложила Настя. – Клизма – вот. Ключ оставлю, как закончишь, закрывай. Потом в сестринскую занесешь.

Я почувствовал себя вкладчиком МММ, которому обещали золотые горы, а на выходе предлагают самостоятельно накачать себя водой через жопу.

С другой стороны, начинать отношения с того, что она мне будет что-то вставлять в задницу, а не я ей, тоже не хотелось.

– А давай лучше я тебе клизму поставлю?.. – перевел разговор в деловое русло. Я вообще, переговорщик серьезный, да и чем черт не шутит.

– Придурок! – засмеялась она, хлопнув дверью. Я выждал минуту, может, передумает.

Она не передумала, а я вспомнил, как утром доктор говорил что-то про фиброгастрохуястрошланг, который мне завтра глотать, поэтому вечером надлежало почистить желудок.

Вечерняя поверка прошла без происшествий и без меня.

– Я ключ принес.

Настя сидела на посту, заполняла журнал. Ее грудь устало лежала на столе. Настольная лампа напоминала прожек-

тор или рампу, освещающую пост будто декорации на сцене, среди которых играла свою роль самая красивая медсестра, главная героиня моего юношеского дроздерского спектакля. Так мне казалось из темного коридора, зрительного, блядь, зала на одну персону.

Она, не поднимая головы, вытянула руку в мою сторону. Стало как-то грустно – так не поступают с такими охуенными парнями, как я. Захотелось расстегнуть ширинку и вложить в протянутую руку хуй.

Решил оставить на потом такой неожиданный ход, в качестве козыря, и вернул ключ.

– Спокойной ночи! – произнес я и зашаркал в палату. Вот сучка, думает, что слишком хороша для того, чтоб просто ответить.

– Чаю хочешь?

Огромным усилием воли я удержался от того, чтоб развернуться, запрыгать и заорать «Конечно, блядь, хочу!» Я ликовал. Последний раз я так хотел чаю, когда лет в двенадцать в лесу сломал лыжи в десяти километрах от дома, и пиздовал пешком по сугробам, чуть не отморозив руки и прочие атрибуты человека.

– С лимоном? – повернулся.

– Ну хочешь, с лимоном сделаю, – засмеялась она. Заразительно и душевно.

– Хочу, – сказал я.

Мы болтали, как старые приятели. Я узнал, что муж ушел

от нее полгода назад, а ребенок, трехлетний паразит, совсем от рук отбился, и живут они в двушке с мамой, которая из трудов по психологии читала только «Мозгоебство, как самоцель». Ей было двадцать семь, а мне шестнадцать. Она была настоящей женщиной, которую я очень хотел, внезапно, бескорыстно и прямо сейчас. Она смеялась над моими шутками (не то, что Аскольдович, сука), и однажды ненароком накрыла мою ладонь своей, правда почти сразу убрала.

К шестнадцати годам я имел хоть и скудный, но багаж отношений с противоположным полом. Первая, Галя, училась на год младше, была симпатичной, из хорошей семьи, но в душе ее неокрепшей доминировал ген блядства. Возможно, от бабушки достался. Она спала со всеми, кого я знал. Если короткий послеобеденный перепих в ее квартире можно было назвать сном. У нас это случилось раз десять, и каждый раз, когда я одевался, она спрашивала, почему я с ней не гуляю. Ответить честно не позволяла врожденная тактичность, а врать я не хотел. Приходилось мычать что-нибудь невнятное и уходить. Вторая, Даша, была полной противоположностью – скромная, отличница, девственница. Огорчало только, что вся ее красота ушла на фигуру, потому лицо напоминало стручок фасоли на закате. Трахаться с ней было здорово, строить отношения – нет. Фундамент слаб. В первый раз она краснела, стеснялась, закрывала писю руками, когда раздевалась, и выключила свет. Через неделю кричала, чтоб ебал ее еще жестче и обязательно кончил на

лицо. Кончать на ее лицо было равносильно уничтожению инопланетных насекомых из бластера, как в «Звездном десанте». Так проходил процесс взросления. Мы с ней тоже не гуляли, но она писала мне письма в училище, на которые я постепенно перестал отвечать. Начиная с первого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.